

Пролог

Засушливое в том году выдалось лето. С конца мая, когда сошли весенние воды, установился пекельный зной, и поджаривал он Трансильванию уже третий месяц. За все это время на землю пролилось два чахлых дождичка, которым не под силу было смочить растрескавшуюся почву — влага ушла сквозь щели на глубину, нимало не задержавшись. Всходы на огородах и полях безнадежно повяли, листья на яблонях и грушах обвисли и мотылялись на обжигающем ветру.

Изнывал и лес. Обезвоженная трава хрустко шуршала, ручьи и болота пересохли, зверье попряталось в дебри, подальше от солнечных лучей.

Двое крестьян шли через большую поляну, торопясь поскорее очутиться под спасительной сенью деревьев. Из одежды на обоих были только домотканые портки, голая кожа лоснилась от пота.

— По такой жаре одно хорошо — ни комаров нет, ни мошки, — сказал один из крестьян, проводя по губам распухшим языком. — Растелешись в свое удовольствие и ходи.

— По мне, лучше мошка, чем эдакая парилка, — отозвался второй.

Вокруг пояса у него была обмотана конопляная веревка, какой обычно перевязывают охапки хвороста. Но крестьяне пришли в лес не за топливом. У одного через плечо был перекинут сыромятный ремень, на котором висел допотопный фитильный мушкет, а второй держал в руке обрез — старую драгунскую фузею со спиленным стволом.

— Никого мы тут не същем, Мирча, — вздохнул тот, что был с мушкетом. — Всякая тварь нынче в холодок тянется. Это в чашобу надо лезть, а уж вечер скоро, да и воды у нас с гулькин нос.

Он вынул из широченного кармана портков деревянную флягу, взболтнул, и она отозвалась жалким плеском.

Дошли до края поляны и в изнеможении опустились на жухлый пырей, привалившись спинами к стволу дуба-великана. Мирча взял из рук спутника флягу, глотнул.

— Ничего, Никола, — молвил ободряюще. — Без добычи не вернемся. Я кабаний след видел.

— Где?

Мирча махнул рукой на запад:

— Вон туда он побег. По копытам судя, здоровенный! Такого завалим — на целый месяц пропитание будет.

Никола сощурился на катившееся к закату солнце, которое вот-вот должно было коснуться видневшихся на горизонте Карпатских вершин.

— Там речка, водопой, — вел дальше Мирча. — Она с гор течет, чай, не пересохла. Возле нее и зверье обретается. Настреляем вдоволь, заодно водицей на обратную дорогу запасемся.

Никола боязливо поджал плечи.

— Не пойду я туда. Тем более на ночь глядя... Там стригой живет. Тот, что из честных христиан кровь выпивает...

Мирча расхохотался.

— Бабьих сказок наслушался? Нет никакого стригоя. Графский замок стоял, да и тот, бают, развалился...

— А вот и нет! И замок целехонький, и хозяин его объявился. Я сам видел. Черный, как смерть. Лица нет, лоб белый, зенки пламенем полыхают... Как есть чертов прислужник!

— Слыхал я про него. Говорят, наследник Цепешей... из дальних краев прикатил на семейное гнездышко глянуть. Побудет малость и уедет. Что ему у нас делать? А про пламень и все прочее — не верю. Старухи с перепугу напридумывали.

Уверенная речь приятеля слегка успокоила Николу. Но идти к «замку стригоя» он все ж таки побаивался.

— А ежели он нас увидит? Осерчает... Как-никак в его лесах животину бьем.

— К замку мы не пойдем, это далеко. Я и не знаю, где он. Дед мой знал, да не рассказывал. А в случае чего ружьишки в кусты покидаем, скажем, что за валежником пришли, заплутали...

Мирча пружинисто поднялся, подхватил свой обрез, флягу вернул товарищу.

— Вставай! А то и впрямь солнце зайдет.

Он углубился в заросли, Никола, крихтя, последовал за ним. Предупредил:

— Осторожнее... Тут Мавкина елань поблизу. В ней столько народу по дурости перетопло. Раз ступишь, и уже не отпустит.

Мирча, не оглядываясь, отмахнулся.

— Усохла твоя елань! По ней теперь, как по большаку, ходить можно.

И точно — шли по гибельным местам, а под ногами не чавкало, только чуть проседал рыхлый ссохшийся торф, прошитый корнями болотных растений.

Лес становился все гуще, кроны переплетались, заслоняя небо. Но воздух был настолько раскален, что и этот шелестящий купол не давал прохлады. Изнуренный усталостью и жарой, Никола жалел уже, что поддался на уговоры напарника. Хотел окликнуть его, ушедшего шагов на десять вперед, но тот вдруг и сам остановился как вкопанный. Поднял раскрытую ладонь в упреждающем жесте. Никола подошел к нему и встал рядом, потянул с плеча мушкет.

— Кто там? — спросил еле слышно. — Люди?

— Нет. Косолапый!

Поодаль, где стелилась бурая гладь пересохшей топи, ворочался большущий зверь с косматой шерстью. Что-то вынюхивал, совал переднюю лапу в торф.

— Вот и добыча! — шепнул Мирча с азартом. — Заходи справа, а я слева...

Они стали подкрадываться к медведю, но тот учуял их, беспокойно вскинул круглую, как котел, голову, завертел ею, зарычал.

— Пали! — крикнул Мирча и первым выстрелил из своего обреза.

Пуля оторвала медведю кончик уха. Владыка леса неистово взревел и попятился. Никола возился со своим мушкетом, высекал искру. Пока высек, пока приладился — медведь успел развернуться и дать деру. Грянувший с опозданием выстрел подстегнул его. Мирча, бранясь, перезарядил свой обреза, бахнул еще раз, но пуля до цели не долетела — медведь был уже далеко, а скоро его и след простыл.

— Ах ты ж, кикимора тебя задержи! — Никола от души шмякнул мушкет оземь. — Какая охота с таким ружьем? Палку взять, и то надежнее будет.

Мирча к неудачам относился проще.

— Ушел и ушел, его счастье. А чего это он там копошился? Ну-ка...

Они подошли к тому месту, где минуту назад во- зился топтыгин, и увидели торчашую из земли чело- веческую руку.

— Свят-свят-свят! — побледнел Никола. — Это кто же?..

Рука была темная, будто вываляна в саже, пальцы скрючены. Мирча принялся подкапывать сыпучий торф прикладом обреза.

— Пойдем отсюда, а? — предложил Никола дро- жащим голосом. — Не к добру этот мертвяк...

— Чего испугался? Сам же говорил: в этой ела- ни, пока она с водой была, столько народу потону- ло... Поглядим, вдруг при нем что ценное найдется. Тогда и за кабаном идти незачем.

Довод подействовал, и Никола, преодолев ото- ропь, решил помочь спутнику. Вдвоем они выко- пали вокруг мертвеца яму, выбрали из нее лишний грунт. Теперь утопленника можно было рассмо- треть во всех подробностях. Был он совсем наг, ни единой тряпицы на теле, но самым диковинным оказалось не это. Жесткие курчавые волосы, вы- вороченные губы, приплюснутый нос, глянцева- я чернота кожи...

— Мурин! — воскликнул Никола. — Такие в Аф- рике живут...

— Это какая нечистая его в наши болота занес- ла? Не по грибы же за тридевять земель пустился. И где его одежда? Даже исподнего нету.

— Ограбили, — предположил Никола и пугливо заозирался. — Слыхал? В соседнем жудеце разбойные люди объявились. В двух деревнях скот угнали, пастуху голову отрезали, а еще один хутор сожгли начисто. А тут негус богатый... в одиночку странствует. Напали, раздели, пожитки отобрали, а самого — в болото.

— До соседнего жудеца двое суток ходу. Не стали бы они к нам соваться, у нас в деревнях одни нищие. Да и этот, — Мирча кивнул на труп, который лежал в яме, вытянув вверх заоченелую руку, — на богатого не похож. Гляди, тощий какой, кожа да кости.

Никола встал возле ямы на колени, вперился в покойника. Последний и вправду был невообразимо худ: ввалившиеся щеки, выпирающие ребра.

— Мирча... — голос Николы сделался слабым, — а ведь ты верно подметил: кожа да кости... *Вьтили* его!

— Как это выпили? Что ты мелешь, дурень?

— Ты слепой? У него жилы отворены и крови нет. Стригой всю до капли высосал! Говорил я тебе, не надо сюда ходить...

Мирча с сомнением пригляделся к маленьким продолговатым ранкам на локтевых сгибах мертвеца.

— Не зубами это.

— А тебе откуда знать, какие у стригоя зубы? Он тебя хоть раз кусал?

— Типун тебе! — Мирча, которого тоже начал пробирать страх, сунул под нос товарищу заскорузлый кулак. — Пособи-ка лучше. На пузо его перевернем.

— Для чего?

— А ну как под ним что-нибудь есть?

— Что под ним может быть? Клад?

— Не знаю. Помоги!

ИЗУМРУДНАЯ СКРИЖАЛЬ

— И не подумаю! Коли приспичило, сам его и тягай.

Здоровяк Мирча нагнулся над ямой и, поднатужившись, перевернул твердое, будто из гипса, тело со спины сначала на бок, а потом на живот. Клада не обнаружилось, зато под коленями трупа Мирча увидел такие же точно ранки, как и на руках.

— Чудно́, — констатировал он и поводитил по сторонам дулом обреза, опасаясь, что за кустами, прирывающими к болоту, затаились опасные противники. — Кто таков этот мурин? Кто его убил? Как? За что?

— Не нашего ума дело, — сказал Никола, встал и отряхнул портки от налипшей торфяной крошки. — Мыслию я, надо поскорее отсель убираться.

Мирча на этот раз не возражал. Расхотелось ему идти к реке и выслеживать кабана.

— Лешак с ней, с охотой, пошли домой. А то и правда не ровен час...

Они наспех засыпали обескровленного негуса торфом, взяли на изготовку свое оружие и тихо-тихо, прислушиваясь к каждому звуку, покинули нехорошее место.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СЕРДЦЕ ТРАНСИЛЬВАНИИ

12

Явление черного человека. — Молчаливый горбун. — Анита при смерти. — Честь Вероники подвергается опасности. — Слуга, которому позволено многое. — Максимов требует сатисфакции. — Двенадцать золотых игл. — Граф Ингерас. — Успеть за полчаса. — Когда враг становится союзником. — Проблеск надежды. — Поездка по пересеченной местности. — Замок в прикарпатском лесу. — Происшествие у колодца. — Пришелец с Луны. — Странная кухарка. — Редкий случай, когда Максимов испытывает страх.

Стояла поздняя промозглая осень. Темные тучи, плотные, как юфть, заволакивали небо. Малоприметная деревенька, расположенная на расстоянии полутора конных перегонов от города Шессбурга, часто именовавшегося по-здешнему Сигишоарой, утонула в грязи. Дождь лил непрерывно уже двое суток и превратил дорогу, связывающую деревню с городом, в перепрелую вязглую кашу.

По этой-то каше медленно и тяжело двигалась абсолютно черная, без малейшего светлого пятна и без единого опознавательного знака, карета. Две такие же черные лошади, могучие, с мохнатыми ногами, натужно волокли ее по вязкому месиву. Колеса зарывались в топкую глину почти целиком, и если б появился откуда-

нибудь сторонний наблюдатель, которому вздумалось столбенеть на обочине меж нахохленных буков и можжевеловых кустов, ему могло бы показаться, что карета не едет, а плывет, скользя днищем по мутной зыби.

На козлах притулился человек ростом не выше четырех с половиной футов, словно бы вырубленный мастером-неумехой из корявого узловатого комля. Непомерных размеров квадратная голова сидела прямо на плечах, без видимых признаков шеи. Грубо очерченные плечи переходили в длинные и, надо полагать, налитые немалой силой руки, сжимавшие вожжи. В дополнение ко всему человек имел горб, превращавший и без того уродливую фигуру в бесформенный ком плоти. Возница по-звериному скалил воскового цвета зубы и издавал резкие носовые звуки — что-то вроде «ум-м! ум-м!». На лошадей они производили такое впечатление, что эти с виду бесстрастные животные всякий раз вздрагивали, как от удара бичом.

Въехав в деревню, карета с чавканьем доползла до покосившегося трактира, и здесь горбатый возница натянул поводья. Лошади послушно стали. Горбун с живостью, которая никак не гармонировала с его несуразным телосложением, соскочил на землю, подошел к карете сбоку и распахнул дверцу. Из недр черного куба явился высокий и худой, точно оглобля, субъект. Он также был облачен во все черное: черный плащ с полами ниже колен, черные брюки, черные ботинки, черные перчатки и черный цилиндр на голове. Единственным, что контрастировало с этой густой чернотой, было его лицо — неестественно белое, какое бывает у паяцев, обильно пользующихся пудрой. Впрочем, черный незнакомец, едва сойдя с подножки, поспешил прикрыть нижнюю часть своей физиономии толстым шерстяным шарфом. На виду остались толь-

ко длинный, по-ястребиному загнутый нос и глаза — острые, пронизывающие, с желтизной.

Не обменявшись ни словом, приезжие вошли в трактир. К ним тут же подскочил хозяин — вертлявый бородач с воровским прищуром.

— Чего желаете, ваша ми... — начал он по-валашски и осекся, глядя на черного незнакомца.

— Лучшую комнату, — отрывисто произнес посетитель на том же наречии, не отнимая шарфа от бледных щек.

Хозяин замялся:

— Лучшая занята...

— Занята? Кем?

— Какие-то русские. Трое... Господин с госпожой и служанка. Если ваша милость изволит, в деревне можно снять дом. Я знаю надежного человека, у него чисто... он и возьмет недорого.

— Что ты врешь! — сердито прервал его черный человек. — Я знаю вашу дыру, здесь негде остановиться, кроме твоего трактира. Почему бы этим русским не уступить мне? Я заплачу втрое.

— Никак невозможно, ваша милость, — забормотал хозяин. — Я бы и сам хотел, чтобы они убрались отсюда, но...

— Но что?

— У госпожи холера, наш лекарь сказал, что она и двух дней не протянет.

— Тем более. Зачем ей комната? Она наверняка без сознания, ей все равно, где умирать.

— Я тоже так думаю, ваша милость, но ее муж... Он пригрозил, что застрелит любого, кто сунется к ним.

По всему было ясно, что хозяин знает визитера, боится его и предпочел бы соседство с холерной больной, чем с этим белолицым черноризцем.

Горбатый кучер стоял на полшага позади своего спутника, безмолвствовал, однако смотрел на владельца трактира с такой испепеляющей ненавистью, будто перед ним был смертельный враг. Затянувшиеся предпринимательства горбуну явно не нравились.

— Так что, ваша милость, у меня вам будет опасно, — продолжал частить трактирщик. — Заразитесь, а то и под пулю попасть можно... Езжайте подобру-поздорову, мой вам совет.

— Мне не нужны твои советы! — отрезал черный, кратко переглянувшись с горбуном. — Мы останемся. На улице потоп — не проехать. Вели распрячь лошадей и поставить их в конюшню. А нам подай ужин, да поживее!

И оба приезжих сели за дощатый стол, над которым висела масляная лампа.

— Слушаю, ваша милость, — упавшим голосом молвил трактирщик и отправился выполнять отданные ему распоряжения.

Покуда длился приведенный выше диалог, в трактирном флигельке умирала та самая госпожа, о которой только что поведал хозяин этого заведения. Холера настигла ее внезапно и свалила в дороге, когда супружеская чета возвращалась из заграничного путешествия в пределы Российской империи. Муж больной — военный инженер Алексей Максимов, с некоторых пор пребывавший в отставке, — сидел подле кровати и вглядывался в лицо своей несчастной Аниты. Ее некогда смуглая кожа побелела и могла теперь соперничать цветом с кожей странного приезжего, что толковал внизу с хозяином. Максимов слышал, как подкатила к дому карета, но к окну подходить не стал. Подошла любопытная Вероника — служанка.

